

Мартен Тео Яне

ТЕОРИЯ И ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ:
ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ К ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМУ
КОНФЛИКТУ

1. Внутренние этнонациональные конфликты: динамика и трудности

В конце 80-х годов XX в. постепенное ослабление коммунистического строя в Советском Союзе привело к преобразованию межгрупповых отношений, часто в ущерб мирному сосуществованию и умеренности. Титульные нации союзных и автономных республик оказались глубоко вовлечены в процесс самоопределения и поисков национальной и международной легитимности. Консолидация новых государств с точки зрения границ, населения и политической власти вызвала появление националистической тенденции, которая вопреки существующей этнической разнородности была направлена на приведение титульной нации в полное соответствие с государством, что оттолкнуло от нее меньшинства в новых государствах¹. Националистическая политика и риторика быстро заполнили идеологическое пространство, освободившееся с уходом коммунизма. Гиа Нодиа правильно отмечает, что подъем исконных национальных чувств не только усилился, когда эти чувства вышли наружу из коммунистической капсулы, но что этому действительно способствовало введение демократических принципов. Демократическая политика требует определения демоса. Демократия, понимаемая как правление народа и посредством народа, ставит самоочевидный вопрос: что следует понимать под словами «Мы, народ»?². Групповые характеристики, присущие национализму, как оказалось, дают самый мощный инструмент для идентификации участников новой демократической игры. В процессе определения демоса по националистическому принципу произошло деление на «своих» и «чужаков», породившее сильную этнонациональную напряженность. Проблематичная необходимость определения демоса в новых демократических государствах, на которую указывает Нодиа, является, однако, лишь одним из конфликто-генных факторов демократии. Демократические институты также прочно внедряют в общество элементы *конкуренции* и *групповой поддержки*. Доступ к политической власти в демократических странах зависит от степени групповой поддержки, которую тому или иному деятелю удастся получить в избирательном

¹ См.: Brubaker R. *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge University Press, 1996.

² См.: Nodia G. *Nationalism and Democracy*. In: Diamond L, Plattner M.F. (eds.) *Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1994. P. 3—22.

поединке. Выборы — это не что иное как борьба за поддержку, состязание между группами. Этнонациональные дефиниции дают простую и очевидную базу для обеспечения групповой поддержки, поддержки, необходимой в состязании за власть. Поэтому политики испытывают соблазн воспользоваться готовыми этническими дефинициями, чтобы заручиться народной поддержкой.

Государства с вековыми традициями улаживания проблем этнонационального многообразия в демократическом контексте (такие, как Бельгия, Канада, Швейцария, Великобритания), не избежали тревог, связанных с этнонационалистической мобилизацией. Даже Швейцария — вошедший в учебники пример этнонационального мира и спокойствия — все более сталкивается с межгрупповыми трениями. Поэтому ничуть не удивительно, что закат коммунизма и последующее установление демократии породили большое число внутренних этнонациональных конфликтов. Многие из бывших советских государств в настоящее время борются над решением проблем этнонационального многообразия при новом посткоммунистическом, демократическом строе. Характер и запутанность внутренних конфликтов, основанных на этнонациональном делении, делают их урегулирование и нахождение компромисса особенно сложным. Вообще говоря, согласование различных интересов требует совместных усилий, а добавление этнонационального измерения еще более повышает трудность урегулирования конфликта.

Убедительность и легитимность этнонациональной идентичности основывается на интерпретации исторического прошлого. Ссылки на мифических предков, битвы, отечество и т.д. укореняют национальное самосознание в истории. Вновь привлекая внимание к истории, этнонационализм также возвращает исторические обиды и травмы на авансцену политики и конфликта. Но исторические травмы нельзя вновь пережить с более положительными эмоциями. Историческое наследство представляет собой структурную основу конфликтной ситуации, устранить его невозможно. Поэтому противоборствующие стороны, стремящиеся к урегулированию конфликта, не имеют другого выхода, нежели примириться с остатками разочарования, оставленного им историей. Прошлое не может быть отрегулировано. Поэтому к историческим травмам трудно подходить с точки зрения конкретных условий переговорного процесса.

Как отмечает Дональд Горовиц, этнонациональная приверженность пронизывает все проявления общественной жизни, особенно когда возникает этническая напряженность. Во время конфликтов этнонационально разделенное общество состоит уже не из рабочих и работодателей, покупателей и продавцов,

консерваторов и либералов, а по большому счету из представителей различных этнонациональных групп. Этнонациональное измерение превалирует над всеми другими формами социальной сегментации¹. Гомогенизируя представителей этнонациональной группы, этнонационализм также становится тесно связанным с другими формами социальных связей. Помимо чисто этнического измерения, этнонациональные конфликты затрагивают религию, идеологию, экономические интересы, политику партий и т.д. Эти связки переплетенных интересов трудно распутать и удовлетворить. Регулирование этнонациональных конфликтов представляет собой трудную задачу: превратить сложные и переплетенные между собой требования в распутанные пакеты рассматриваемых вопросов, над которыми можно работать. Более того, национальная идентичность и эмоции, которые она пробуждает, соответствуют глубинной человеческой потребности в самоопределении в изменчивой и загадочной среде. Этнонациональная идентичность привносит эмоции и психологические потребности в конфликты. Споры вращаются вокруг вопросов, связанных с ощущением принадлежности к общности, безопасности в ней и национальной гордости. Все это крайне эмоциональные вещи, которые не могут быть предметом переговоров.

Зартман выделяет еще одну типичную и проблематичную характеристику [Zartman, 1995], а именно асимметричность многих внутренних этнонациональных конфликтов. Напряжение между восставшими и власть предержащими часто характеризуется асимметрией с точки зрения потенциала принуждения, правового положения, международной поддержки, числа участников, административных или бюрократических возможностей. Такие асимметричные отношения меньше поддаются регулированию, потому что сильнейшая сторона имеет мало стимулов общаться со слабейшей стороной на равных, тогда как слабейшая сторона прилагает больше усилий к тому, чтобы изменить неблагоприятное соотношение сил, чем к тому, чтобы урегулировать конфликт. Во внутренних конфликтах периодически проявляется следующий шаблон: одна из сторон пытается сохранить асимметрию, которую другая сторона стремится исправить. Асимметричные внутренние конфликты скорее всего будут оставаться в постоянно изменчивом состоянии до тех пор, пока не будет достигнута какая-то степень симметрии или пока существующая асимметрия уже не будет восприниматься какой-либо из сторон как достаточная причина для того, чтобы не искать совместного урегулирования. Разумеется, такое понимание может быть достигнуто только тогда, когда обе стороны истощили друг

¹ См.: Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*: Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1985.

друга в конфликте ценой массы времени, энергии и жертв.

Насилие во внутренних конфликтах, как только начинают совершаться первые акты жестокости, часто идет по нарастающей. Повторные циклы насилия можно остановить, но они подрывают шансы на будущее урегулирование в не меньшей степени потому, что нанесенный ущерб ведет к крушению надежд, которые потребуется удовлетворить в процессе урегулирования. Насилие также уменьшает возможность того, что воюющие партнеры будут воспринимать друг друга как заслуживающих доверия и приемлемых партнеров по диалогу. Конфликтующие стороны зачастую находят недопустимой мысль о возможности ведения переговоров с теми, кто якобы совершил зверства. В межгрупповое насилие нередко вовлекаются регулярные вооруженные силы, но оно привлекает и неконтролируемые разношерстные вооруженные группы, возглавляемые местными военачальниками или уголовными преступниками. Эти нерегулярные силы приобретают важное специфическое значение в ходе конфликта, но, как правило, теряют его, как только налаживается мирный процесс. Хотя у них нет кровной заинтересованности в специфике урегулирования, отсутствие иерархического контроля ставит их в положение, при котором они могут срывать процесс урегулирования, не соблюдая соглашения или нарушая хрупкое состояние прекращения огня.

Как отмечалось выше, этнонационализм затрагивает многие аспекты социальной жизни. Этнонациональные группы определяют себя по территориальному, лингвистическому и социально-экономическому признаку. В подавляющем большинстве случаев этнонациональная идентичность представляет собой различный набор составных элементов, подобных вышеперечисленным. Очевидное многообразие этнонациональных симптомов не должно отвлекать нас от выявления сходства лежащих в их основе причин, которые имеют место в случаях этнонациональной враждебности. Если в целях обобщения временно пренебречь спецификой каждого отдельного конфликта, мы обнаружим, что общей угрозой, присутствующей во многих этнонациональных конфронтациях, является глубоко сидящий страх перед исчезновением народа. Недовольными этнонациональными группами в Канаде, Бельгии, Стране Басков, Северной Ирландии, Южно-Африканской Республике, если назвать лишь некоторые из них, движет первобытная тревога в связи с возможностью того, что этнонациональные «чужаки» задавят их своей массой или, как выражается Горовиц, «затопят» их. Эта тревога часто отражает тот факт, что данная этнонациональная группа численно уступает большинству или же имеет тенденцию к демографическому снижению. Даже если демографические подсчеты не оправдывают страхов перед вымиранием, эти группы

апеллируют к тому, что ими воспринимается как исчезновение важных этнонациональных знаков (языка, обычаев, культуры). Фламандцы всегда были крупнейшей группой бельгийского населения. Несмотря на численное преобладание фламандцев, более высокий статус, связанный с использованием французского языка, стимулировал растущее «офранцуживание» фламандского населения. Постепенное «отступление» фламандского языка перед французским вызвало ощущение того, что важнейшая определяющая характеристика «фламандскости» находится под угрозой. Фламандцы чувствовали, что французский язык «затопляет» их со всех сторон, и националистическое движение нажило себе политический капитал на страхе перед исчезновением «фламандскости» во Фландрии. Вообще же, чтобы урегулирование проходило успешно, необходимо ослабить или доказать необоснованность опасения исчезнуть, присутствующего во многих, если не во всех, этнонациональных конфликтах. На практике тревога может улечься лишь тогда, когда будут созданы институты, гарантирующие дальнейшее выживание той или иной этнонациональной группы. Сохраняющаяся напряженность между Квебеком и англоязычной Канадой свидетельствует о том, что даже наиболее успешные (в социально-экономическом плане) государства остаются неэффективными до тех пор, пока им не удастся обеспечить достаточные гарантии этнонационального выживания для малых групп.

2. Регулирование внутренних конфликтов: к чему мы стремимся?

Указать на сложность этнонациональных конфликтов — это одно, а предложить способы, с помощью которых можно снизить напряженность конфликтов и удовлетворительно уладить их, — это другое, еще более многотрудное дело. Нет однозначных, прямых ответов на вопрос: как уменьшить остроту этнонациональных конфликтов? Каждый конфликт отличается от другого, например, по времени, пространству, участникам, интенсивности, характеру спорных вопросов и т. д. По всей вероятности, различные конфликты требуют различных подходов. Метод, оказавшийся удачным в конфликте А, может оказаться непригодным или, хуже того, вредным в конфликте Б. Поэтому одной стране не имеет смысла просто копировать удачные подходы другой, рассчитывая добиться эффекта снижения конфликта. Различные болезни требуют неодинакового лечения.

Даже если мы сознаем необходимость регулирования в зависимости от конкретного контекста, следует уточнить направление, по которому мы хотим идти. Что в точности означает регулирование или снижение остроты конфликта? Должно ли предпринятое регулирование сосредоточиться лишь на прекращении взаимных

насильственных действий или же оно должно устранить все источники напряженности между группами, чтобы его можно было назвать успешным? Ясно, что первый камень преткновения в подходе к внутренним этнонациональным конфликтам — это сложность определения самого регулирования конфликтов.

Можно было бы выдвинуть интуитивное понятие «мирное сосуществование, лишённое конфликтов», но едва ли какая-нибудь этно-национально разделенная страна (может быть, за исключением Швейцарии) будет соответствовать этому интуитивному понятию «регулирование конфликтов». Все государства, характеризующиеся этнонациональной сегментацией, в той или иной степени испытали межгрупповую напряженность и конфликты. Если бы мы признали отсутствие конфликтов конечной целью регулирования конфликтов, вряд ли какое-либо этнонационально разделенное государство подошло бы в качестве примера успешного регулирования конфликтов. Отсутствие конфликта не может быть использовано как рабочий показатель успеха конфликтного регулирования.

Стоит только проявиться этнонациональной напряженности, как она сразу же начнет оказывать влияние на будущие отношения между противостоящими группами. Никакое регулирование или умиротворение не сможет повернуть время вспять. С этой точки зрения конфликты никогда не могут быть «разрешены» или закончиться в абсолютном смысле. Конфликтные акты, совершенные в период напряженности, будут продолжать отрицательно влиять на отношения между группами и соответственно окрашивать их, даже если благодаря умиротворению острота спора ослабнет. Достигнутые соглашения не могут стереть из памяти деяния, совершенные в ходе былых конфликтов, да и не всякий источник трений можно привести к взаимно удовлетворительному итогу в виде соглашения. Наследие прошлых конфликтных актов и остатки неудовлетворенности у одной или у обеих сторон часто содержат семена будущего конфликта между этнонациональными группами. Акты урегулирования могут снизить уровень открытой враждебности или взаимных насильственных действий, но с их помощью никогда не удастся окончательно покончить с конфликтами или привести к полному их исчезновению.

Стратегии, направленные на ликвидацию конфликтов между этнонациональными группами, нереалистичны, а зачастую даже нежелательны. Можно обоснованно утверждать, что межгрупповые конфликты — совершенно нормальное и важнейшее свойство политики. Если общество состоит из различных индивидов, организованных в различные группы, то скорее всего в этих группах сформируются неодинаковые восприятия, потребности и предпочтения, которые являются следствием их групповых или индивидуальных различий. Институтом,

который вслед за формулированием разнородных интересов перерабатывает эти различные интересы в некую итоговую общую политику, является государство. Выработка итоговой политики, применимой ко всем, связана с большим риском, противоречивостью интересов и острым соперничеством между этими групповыми интересами, часто вызывающим разногласия и конфликты. В политическом процессе конкурирующие группы нередко прибегают к тактике принуждения, убеждения, торга и другим аналогичным приемам для достижения желаемого итога. Острое соперничество в определении итоговой политики тесно связано с конфликтными отношениями. Общепринятым является изображение конфликтных отношений в политике как наносящих вред, дисфункциональных и контрпродуктивных для функционирования политической системы. Слишком часто упускают из виду, что эти конфликты выявляют соответствующие спорные вопросы, проясняют восприятие и значение, придаваемое спорным вопросам различными общественными силами, и иллюстрируют расстановку сил между группами. В этом отношении конфликты являются существенным и даже функциональным свойством политики, позволяющим выработать реалистическую, сбалансированную и восприимчивую политику. Речь здесь идет о том, что целью конфликтного регулирования не может быть исчезновение конфликта. Конфликты суть нормальное и функциональное следствие групповых различий. Стратегии конфликтного регулирования должны быть нацелены не на создание бесконфликтной среды, а на сдерживание конфликта и направление его в русло стабильности.

Предлагаемый взгляд, согласно которому конфликты представляют собой неотъемлемую часть процесса принятия политических решений, не следует расценивать как неприкрытое оправдание бесконтрольного распространения конфликтов. Напряженность и конфликты часто обостряются и ведут к крайне нежелательному исходу или даже к краху институтов, принимающих политические решения. Те, кто разрабатывает стратегии регулирования, должны сосредоточить внимание на том, чтобы избежать подобного вредного обострения, побуждая стороны к признанию и согласованию противоречащих друг другу интересов в качестве отправной точки для нахождения стабильного политического разрешения разногласий. С помощью приемов конфликтного регулирования разрешить конфликт не удастся, но по крайней мере можно будет перевести опасную напряженность в такое русло, которое даст возможность сосуществования групп в условиях соперничества. Отметив необоснованность ожиданий относительно способности регулирующих механизмов покончить с конфликтом, мы предлагаем теперь следующее определение: *успешное регулирование внутренних конфликтов*

происходит тогда, когда групповая неудовлетворенность и противоположные интересы выявляются и рассматриваются в политической системе и противоречивые требования впоследствии согласовываются друг с другом с наименьшими возможными затратами и риском, преобразуясь в стабильные политические результаты. Некоторые элементы этого определения конфликтного регулирования требуют более тщательного рассмотрения. Во-первых, регулирование требует, чтобы конфликтующие стороны открыто выражали свое недовольство друг другом и реагировали на него. Без ясного выражения группового недовольства нет и объекта для применения регулирующих механизмов. Если обездоленной группе не удастся мобилизоваться (ввиду отсутствия организаций, инфраструктуры, связи и т.д.), она, возможно, не сможет толково «донести» свои требования. Как только жалобы высказаны, группа, которой адресовано недовольство, должна признать проблему и уделить ей внимание. Это, конечно, не всегда происходит, доминирующая группа, которой адресуются требования, может решиться игнорировать или отрицать наличие недовольства. Отрицая существование конфликта, доминирующая группа легитимирует свое нежелание реагировать и избегает любых политических шагов к ослаблению недовольства. Этим двум условиям успешного конфликтного регулирования часто не хватает. Может казаться, что конфликт успокоен, но видимое спокойствие объясняется лишь неспособностью неудовлетворенных групп выдвинуть свои требования или является результатом того, что доминирующая группа предпочитает отрицать существование проблемы так долго, как только сможет.

Во-вторых, успешное конфликтное регулирование связано с согласованием противоречивых требований с наименьшими возможными затратами и риском. Точно указать момент, когда согласование противоречий происходит с наименьшими затратами и риском, невозможно. Подобная операция потребует исчисляемых показателей затрат и риска и глубокого представления о том, как конфликтующие стороны оценивают эти затраты и риски. Общее понимание наименьших возможных затрат, предложенное здесь, состоит в том, что сумма ресурсов, времени и энергии, посвященная рассмотрению конфликта, не должна мешать успешному формулированию других политических альтернатив. Регулирование конфликтов может быть сочтено успешным (при соблюдении всех прочих условий), если издержки, связанные с рассмотрением конфликта, не мешают способности политической системы к принятию политических решений. Регулирование конфликта может истощить значительное количество ресурсов, причем до такой степени, что все другие политические вопросы нужно будет

отложить в долгий ящик; это приводит к политической скованности и полной недееспособности политической системы. Такие примеры перегрузки при разработке политического курса знаменуют собой фиаско конфликтного регулирования, даже если они происходят при отсутствии насилия. Помимо затрат, нужно принимать во внимание элемент риска. Издержки, связанные с регулированием, могут быть низкими, но возможность поставить под угрозу существование политической системы — очень высока. Если регулирование конфликтов связано с необходимостью вновь и вновь ставить политическую систему на грань распада и коллапса, тогда использованные методы непригодны для повторного применения, а следовательно безуспешны.

В-третьих, результатом успешного конфликтного регулирования должно быть нахождение стабильного политического итога. Последний понимается как такой итог, от которого ни одна из сторон не имеет стимула отклоняться. Стимула отклоняться нет потому, что в данных обстоятельствах при всех других мыслимо возможных итогах каждой из сторон, как ожидается, будет хуже. Стабильный итог не обязательно соответствует полной реализации целей одной или обеих сторон. Он, вероятно, оставит у них осадок неудовлетворенности. Несмотря на неполное достижение своих целей, стороны могут придерживаться данного итога и сделать его стабильным, ибо осознают, что борьба за максимальную индивидуальную прибыль ведет к низшему результату для них обеих.

Особенность вышеописанного стабильного итога заключается в том, что достигнутая стабильность вряд ли продержится долгое время. Смена обстоятельств (изменение среды, потребностей, лидеров и т.д.) могут изменить и уменьшить выгоды, связанные с тем или иным исходом, делая тем самым другие результаты более желательными. Поэтому противоборствующие стороны, стремящиеся к урегулированию своих разногласий, должны быть готовы к непрерывному процессу поисков новых стабильных итогов. Долговечности результатов может способствовать закрепление их в институтах. Институциональные рамки (конституции, бюрократии, юриспруденция и т.д.) упрочивают и придают некоторую «крепость» результатам, продлевая тем самым их существование. Можно ожидать, что институционально закрепленные результаты будут менее подвержены изменениям, но существует достаточно эмпирических свидетельств того, что даже таковые итоги не застрахованы от меняющихся потребностей и окружающей обстановки.

Определение конфликтного регулирования, данное в настоящей работе, можно считать довольно прагматическим по нескольким причинам. Во-первых,

завершение конфликтов (понимаемое как окончание напряженности и трений между группами) отвергается как цель конфликтного регулирования. Цель — не исчезновение конфликтов, а скорее ограничение некоторых из их разрушительных последствий. Конфликты между группами не могут и не должны исчезнуть. Напротив, конфликтное регулирование должно быть направлено на согласование противоречивых требований с низкими затратами и риском с целью достижения стабильного итога. Говоря более конкретно, конфликтующие группы должны научиться не тому, как избегать жить в разногласиях, а тому, как жить с разногласиями. Во-вторых, главное в данном определении — не присутствие или отсутствие насилия. С одной стороны, отсутствие насилия, каким бы оно ни было желательным, не является гарантией успешного сосуществования. Ненасильственные конфликтные ситуации могут сопровождаться высокими издержками и риском, а также неспособностью достигать стабильных политических результатов, что делает сосуществование групп недолговечным и даже невыносимым. С другой стороны, применение насилия не обязательно влечет за собой неудачу конфликтного регулирования. Правоохранительные мероприятия или выражение недовольства могут принимать насильственную форму. Такие вспышки насилия по определению не могут поставить под угрозу успех регулирования или групповое сосуществование. Хотя использование насилия в конфликтах не является удобным индикатором для определения неудачи или успеха конфликтного регулирования, насилие едва ли является частью успешной стратегии регулирования: ведь применение насильственных средств для принуждения к выходу из ситуации — это обычно весьма дорогостоящее, рискованное мероприятие, часто ведущее к спорным, а следовательно, неустойчивым результатам.

3. Совместное принятие решений как наиболее оптимальный подход к урегулированию конфликтов

Можно различить три пути урегулирования конфликта: внешняя власть может навязать решение противоборствующим сторонам, исход конфликта может сложиться под влиянием ряда односторонних действий или же конфликтующие стороны могут решить уладить свои разногласия общими усилиями. Можно утверждать, что последний подход и нормативно и фактически является наиболее предпочтительным способом урегулирования конфликта. В таком случае стороны в конфликте, решающие урегулировать свои разногласия совместным путем, признают, что выработка формулы завершения конфликта зависит от согласия обеих

сторон. Эта необходимость взаимного согласия имеет важные последствия для характера и особенностей процесса принятия решений.

Поиски взаимоприемлемого исхода подразумевают процесс взаимодействия. Сначала с обеих сторон предъявляются жалобы и требования. Для того чтобы был достигнут результат, эти жалобы должны быть приняты во внимание, и это вынуждает всех участников учитывать причины недовольства своих оппонентов и принимать соответствующие меры. Более того, обмен информацией проясняет источники недовольства, вопросы, служащие предметом спора, и относительное значение, придаваемое сторонами спорным вопросам. Нельзя априорно ожидать от противников адекватной оценки спорных проблем. Конфликтующие стороны зачастую имеют лишь косвенную информацию относительно того, как далеко готов идти оппонент. Ощущения, намерения и реальные цели оппонентов часто неясны или затуманены негативным восприятием противника. Встреча лицом к лицу с оппонентами, обмен информацией и взглядами способствуют формированию более точного определения конфликтной ситуации, пригодного для дальнейшей работы. Совместное принятие решений побуждает участников противоборства пересмотреть собственную позицию и, что более важно, свое восприятие оппонента в свете сообщаемой информации.

Путем взаимного обмена информацией и последующей корректировки восприятия оппоненты приобретают знания о целях и пределе уступок противной стороны. Обмен информацией уменьшает элемент неопределенности во взаимных действиях. Важность уменьшения неопределенности и достижения определенности невозможно переоценить, ибо определенность относительно релевантных черт конфликтной ситуации (сущность спорных вопросов, характер оппонента, минимальные требования и т.д.) рождает взаимное доверие в процессе совместного принятия решений. Нельзя рассчитывать на то, что у противоборствующих сторон, действующих в условиях высокой степени неопределенности относительно мотиваций, средств и целей оппонента, возникнет чувство доверия к непредсказуемому противнику. Обмен информацией и ее уточнение уменьшает неопределенность, повышает предсказуемость поведения оппонента и создает возможность для появления доверия. И наоборот, неопределенность во взаимоотношениях — это фактор, который стимулирует чувства страха и уязвимости. А эти чувства, согласно психологической теории [Rangarajan, 1985], весьма способствуют насильственным реакциям.

Как упоминалось в начале статьи, некоторые ученые [Zartman, 1995] отмечали проблематичную асимметричность большинства внутренних или

этнонациональных конфликтов. Вообще говоря, асимметрию можно квалифицировать как неравновесие сил между проявляющей недовольство и доминирующей группами в плане возможности использования мер принуждения, а также с правовой или моральной точки зрения. Такая асимметрия считается проблематичной, так как признано, что равные стороны заключают мир с большей готовностью и большей легкостью, чем неравные. Противники, стремящиеся к урегулированию конфликта путем совместного принятия решений, косвенно признают, что урегулирование может иметь место лишь в том случае, если обе стороны придут к согласию. Совместное принятие решений, тем самым, уравнивает сравнительный вес асимметричных противников в формуле окончательного решения.

Поскольку эта формула принимается по принципу единогласия, обе стороны должны с ней согласиться, поэтому каждая из них имеет право вето. Совместное принятие решений влечет за собой уравнивание полномочий по их принятию, которое может не сопровождаться равенством силовых или правовых возможностей конфликтующих сторон. Это уравнивание полномочий по принятию решений является одной из возможных причин того, почему соперничающие группы отвергают совместное урегулирование, так как их перевес на поле боя значительно ограничивается уравнивающим эффектом совместного принятия решений. Как правило, взаимно признанные результаты в меньшей степени являются следствием силового принуждения, чем полученные в порядке односторонних действий или внешнего (иерархического) давления. Это не значит, что конфликтное регулирование путем совместного принятия решений будет свободно от силовой борьбы или умения добиваться своего на переговорах. Степень зависимости сторон друг от друга, наличие альтернатив, последствия недостижения соглашения, значение вопросов, поставленных на карту для каждой из сторон, в значительной степени будут определять силу сторон в процессе совместного принятия решений. Силовые отношения между противоборствующими сторонами все еще будут важнейшим фактором в процессе принятия решений, но дисбаланс будет частично уравновешен их равным участием в выработке формулы окончательного решения.

Наконец итог, выработанный в процессе совместного принятия решения, содержит в себе минимальные требования каждой из сторон. При регулировании, основанном на односторонних действиях или навязанном извне, нет гарантии, что запросы обеих сторон найдут свое место в окончательном варианте решения. Принцип единогласия, подразумеваемый при совместном принятии решений, гласит, что для того, чтобы результат был взаимно приемлемым, он должен по крайней мере

удовлетворять минимальным запросам обеих сторон. Такое взаимное удовлетворение минимальных запросов делает результат более стабильным, чем односторонние или навязанные решения, которые скорее приведут к противоборству или возобновлению межгрупповых враждебных действий.

В начале этого параграфа статьи мы высказали убеждение в том, что совместное принятие решений, в противоположность одностороннему или иерархическому, является наиболее благотворным подходом к урегулированию конфликтов. Совместное принятие решений способствует всестороннему обсуждению любых поводов к недовольству через уточняющий обмен информацией, который снижает неопределенность и позволяет установить доверие. Более того, принцип единогласия частично сокращает асимметрию и гарантирует, что по крайней мере минимальные требования противостоящих сторон составят часть взаимоприемлемого итога. Включение минимальных требований повышает устойчивость результата, поскольку каждая сторона может быть удовлетворена выполнением части своих требований.

4. Торг и переговоры: в чем заключается совместное принятие решений

Противопологаемые друг другу интересы и требования в конфликтной ситуации не могут просто раствориться одновременно с выбором такого способа регулирования, как метод совместного принятия решений. Требуется мучительный поиск такого результата, при котором сложится взаимодовлетворительный баланс между противопологаемыми требованиями. Процесс уравнивания этих требований и нахождения путей, призванных сделать несовместимые интересы более совместимыми при совместном принятии решений, связан с процессом торга.

Ввиду центральной роли торга в выработке решений мы рассмотрим это понятие несколько подробнее. Стандартное определение торга предложено Рубином и Брауном. Согласно этим авторам, процесс торга должен соответствовать следующим характеристикам:

«1) по меньшей мере две стороны взаимодействуют друг с другом; 2) у этих сторон имеется конфликт интересов по одному или более вопросам; 3) независимо от того, были ли они ранее знакомы, представители сторон временно вступают друг с другом в добровольные взаимоотношения; 4) важнейшие шаги в этих взаимоотношениях связаны либо с обменом одним или более конкретными ресурсами, либо с разрешением одного или более спорных вопросов между сторонами (либо и с тем, и с другим); 5) порядок этих шагов скорее последовательный, чем одновременный в том смысле, что имеет место выдвижение предложений или

требований одной стороной, а затем происходит выработка и выдвижение контрпредложений другой, пока не будет найдено решение или же стороны не зайдут в тупик»¹.

Вышеприведенный абзац содержит адекватное описание переговорного процесса, но мало проясняет характер отношений, связывающих участников переговоров друг с другом. Переговоры часто знаменуют собой начало сосуществования в условиях сотрудничества. И все же их не следует понимать как чистое сотрудничество, поскольку важной чертой переговорного процесса остаются конфликтные отношения. Эти последние в ходе переговоров лучше понимать как отношения со смешанными мотивами, когда заинтересованность в сотрудничестве сочетается с конфликтными установками. Участников переговоров разделяют одни, конфликтные, интересы и связывают другие, общие, интересы².

Конфликтный элемент можно отнести на счет того факта, что каждый участник торга стремится довести до максимума свою выгоду от результата, достигнутого в переговорном процессе. Борьба каждого участника торга за благоприятный исход в контексте несовместимых интересов порождает конфликт. Если бы расхождения интересов не было, участникам не было бы нужды торговаться, достаточно было бы координировать свои действия для достижения желаемой цели. Несмотря на конфликтную конфигурацию интересов, процессы торга включают в себя и элемент совместных (кооперативных) действий. Стимул к сотрудничеству возникает из осознания участниками торга того факта, что эти цели не могут быть реализованы без реального участия их противников. Участники должны почувствовать, что достижение цели в значительной степени зависит от согласия оппонента. Сочетание кооперативных и конфликтных стимулов формирует у участников переговоров почти «шизофренические» взаимоотношения, которые Шеллинг называет «неполным антагонизмом» или «непрочным партнерством». Как кооперативная, так и конфликтная модели действий должны быть в наличии, чтобы можно было характеризовать взаимоотношения как процесс торга. Взаимоотношения, в которых отсутствуют черты смешанных мотивов, представляют собой либо открытый конфликт, либо обстановку согласованности, что, как лаконично заявляют Бахарх и Лоулер, имеет мало отношения к ситуации торга: «Если бы у них не было стимула сотрудничать, они бы не торговались вообще; если

¹ См.: Rubin J.Z., Brown B.R. The Social Psychology of Bargaining and Negotiation. New York: Academic Press, 1975. P. 5.

² См.: Kochan T.A., Verma A. Negotiations in Organizations: Blending Industrial Relations and Organizational Behavior Approaches, in: Bazerman M.H., Lewicki R.J. Negotiating in Organizations. Beverly Hills: Sage Publications, 1983. P. 19.

бы у них не было стимула соперничать, у них не было бы нужды торговаться».

Определение, сформулированное Рубином и Брауном, ясно указывает на динамический характер торга, а переговоры изображаются как процесс, который можно суммировать в виде ряда последовательных стадий. Некоторые авторы [Rangarajan 1985, Gulliver 1979] проанализировали процессы торга с точки зрения развития. Торг представляется как поэтапный процесс, при котором участники переговоров движутся через определенные фазы, каждая из которых содержит различные проблемы, пока не находится решение или не происходит провал. Хотя данные авторы иначе характеризуют эти фазы, описания поэтапного торга в целом сходны с ранее изложенными. Для наших настоящих целей будет достаточно вкратце подытожить основные фазы переговорного процесса.

1 Первоначальная фаза заключается в выражении и признании недовольства. Стороны выражают неудовлетворенность существующим положением дел, и эту неудовлетворенность замечают. Путем негласного торга участники сигнализируют друг другу о готовности начать переговоры и проверяют эту готовность.

2 Если на выраженное недовольство реагируют позитивным образом, указывая, что адресат признает проблему, может начаться фаза «переговоров о переговорах» (ПОП). В ходе ПОП идут поиски консенсуса относительно основных атрибутов обстановки переговоров. Это связано с решениями о взаимоприемлемой арене или форуме переговоров, повестке дня, правилах принятия решений, числе и типе самих участников переговоров, а также принятии или отклонении предварительных условий для ведения переговоров.

Каждое из этих решений может быть предметом диспута и торга. Во многих случаях переговоры достигают стадии ПОП, но срываются из-за разногласий по вопросу об основных параметрах обстановки переговоров. Часто неразрешенные разногласия в фазе ПОП указывают на недостаточную заинтересованность участников переговоров в ведении переговоров.

3) Как только согласованы основные параметры переговоров, может состояться торг по существу обсуждаемых вопросов. Реальный торг обычно начинается с того, что его участники предъявляют свои верительные грамоты и выдвигают максимальные требования. Весь последующий за этими заявлениями процесс направлен на преодоление расхождений между противниками. Это требует выявления ключевых вопросов, жизненно важных для обеих сторон. Переговоры упрощаются, если стороны сосредоточат свое внимание на ряде приоритетных проблем. Для того чтобы сузить расхождения в приоритетах, исходные требования могут быть переформулированы в более удобоваримой форме. Еще один прием,

часто используемый для сужения разрыва в первоначальных ожиданиях сторон — обмен выгодами и невыгодами между участниками переговоров. Если у участников переговоров имеется асимметричный перечень приоритетов, можно применить метод взаимных услуг (Gog-rolling technique). Взаимные услуги — это обмен уступками по вопросам, имеющим неодинаковое значение для участников переговоров. Каждый из них добивается своего по одному вопросу в обмен на уступку по другому вопросу, менее важному для себя¹.

4) Последняя и часто недооцениваемая фаза касается осуществления или исполнения соглашения. Это стадия, на которой плохо продуманные соглашения часто терпят крах. В ходе осуществления соглашения двусмысленность его условий и отсутствие подлинного консенсуса выходят на поверхность с полной очевидностью. При проведении соглашения в жизнь для предотвращения его срыва обычно необходимо провести повторные переговоры и применить средства мониторинга.

5). Превращение противников в сотрудничающих партнеров по переговорам: тупик и взаимозависимость

Как указывалось выше, фактором, побуждающим оппонентов к сотрудничеству в торге, является признание того, что оппоненты зависят друг от друга в деле достижения своих индивидуальных целей, осознание ими того, что они не могут достичь желаемого результата в одиночку, без участия своего противника. Понимание того, что односторонние инициативы исключены, указывает на взаимозависимость оппонентов. Степень и характер взаимозависимости имеет важные последствия для переговорного процесса.

Когда альтернативы скудны и фиаско переговоров неминуемо, участники переговоров попадают в тупик. Их приверженность переговорному процессу будет зависеть от того, как они оценивают эту тупиковую ситуацию. В случае высокой взаимозависимости (немного вариантов выхода из положения и большая вероятность тупика), оценка тупиковой ситуации с точки зрения затрат и результатов будет определяться важностью поставленного вопроса (вопросов) для участников переговоров. Те из них, которые не обладают большой свободой маневра и придают большое значение рассматриваемым на переговорах вопросам, скорее всего оценят тупик в негативном плане. Те участники, для кого рассматриваемые вопросы имеют меньшее значение, имеют тенденцию считать зашедшую в тупик ситуацию как терпимую.

¹ См.: Pruitt D.G. Achieving Integrative Agreements, in: Bazerman M.H., Lewicki R.J. Negotiating in Organizations. Beverly Hills: Sage Publications, 1983. P. 39.

Степень взаимозависимости — базовый фактор, определяющий приверженность участников торга переговорному процессу. С одной стороны участники, чувствуя, что они могут добиться своих целей самостоятельно или путем привлечения альтернативных ресурсов без участия своего оппонента, имеют небольшой резон вкладывать усилия в мучительный процесс нахождения взаимоприемлемого исхода. С другой стороны, те, которые осознают свою взаимозависимость, не имеют другого выхода, кроме добросовестного ведения переговоров. Провал переговоров в случае низкой взаимозависимости оставляет участников переговорного процесса наедине со своими односторонними альтернативными вариантами. Неудачные переговоры в условиях высокой взаимозависимости ставят участников в безвыходное положение, поскольку никаких альтернатив не имеется. Поэтому высокая степень взаимозависимости подразумевает узкий выбор альтернатив и большую вероятность тупика в случае неудачи переговоров.

Степень взаимозависимости имеет решающее значение для понимания любого переговорного процесса. Четкая оценка взаимозависимости указывает на то, в какой степени участники переговоров обладают иными вариантами достижения результата помимо совместного принятия решений, и это выявляет степень вероятности тупиковой ситуации, когда переговоры заканчиваются провалом. Теория торга сосредоточивает внимание главным образом на процессах, происходящих в ходе переговоров (повестка дня, стадии, тактика, степени уступок, угрозы и т.д.), но недостаточно подчеркивает определяющие свойства за рамками прямых переговоров. То, в какой мере участники располагают альтернативами процессу достижения договоренности, а также их оценка неудавшихся переговоров — это элементы, складывающиеся вне рамок переговоров, но оказывающие на них прямое воздействие.

В ряде последних исследований в области международных отношений рассматривался вопрос о том, когда конфликты «созревают для разрешения». Изучаются необходимые условия, которые побуждают участников искать урегулирования вместо продолжения военных действий. Общепринятый вывод состоит в том, что противоборствующие стороны прекращают враждебные действия, когда упираются в «тупик, причиняющий вред им обеим». Этот «тупик, причиняющий вред обеим сторонам», определяется как «отметка, на которой стороны больше не чувствуют, что они могут использовать силу для получения односторонних преимуществ, и изъявляют готовность рассмотреть другие варианты». На этой отметке стороны ощущают, что издержки и перспектива

непрерывной конфронтации становятся более обременительными, чем издержки и перспектива урегулирования [Zartman 1995; Hampson, 1996]. Понятие «тупика, причиняющего вред», наилучшим образом фиксирует сочетание факторов, которое стимулирует переговорный процесс и совместное принятие решений. Тупик указывает на то, что участники чувствуют, что они не могут улучшить свою позицию, продолжая враждебные действия. Более того, тупик, как полагают, вредит обеим сторонам, а это подразумевает, что участники не просто прекратят враждебные действия, но должны приложить активные усилия для преодоления тупика. Концепция Зартмана о «тупике, причиняющем вред обеим сторонам», представляет собой необходимое, но недостаточное условие, чтобы можно было назвать конфликт «созревшим для разрешения». Тупик, причиняющий вред, свидетельствует о том, что противоборствующие стороны больше не считают продолжение открытых враждебных действий благотворной стратегией. Решение о прекращении боевых действий не обязательно влечет за собой одновременное решение начать сотрудничать. В ситуации «тупика, причиняющего вред», односторонние действия лишь перестают быть жизнеспособной стратегией — они не исключают появления других форм некооперативных взаимоотношений. Вместо того, чтобы предпринимать шаги к совместному урегулированию, стороны могут и часто фактически стараются привлечь внешние силы, которые могут продиктовать результат иерархическим путем. Или же противники пытаются сократить ущерб от тупика благодаря наращиванию своей самообеспеченности. Слишком часто стороны, попав в ходе конфликта в ущербный тупик, приспосабливаются к жизни в тупиковой ситуации, предпочитая скорее находиться в состоянии инерции, нежели начать многотрудный процесс совместного урегулирования конфликта.

При всей своей полезности понятие «тупика, причиняющего вред», только частично характеризует сочетание факторов, ведущее к совместному урегулированию. Необходим дополнительный фактор, чтобы подтолкнуть участников конфликта к столу переговоров для выработки совместного урегулирования. Помимо причиняющего ущерб тупика, в умах противников должно прочно укорениться представление об их сильной взаимозависимости. Недостаточно ощутить безвыходность конфликта: противники должны понять, что их судьбы тесно связаны и маловероятно, что эта связь исчезнет в ближайшем будущем. Пока конфликтующие стороны полагают, что чистым результатом конфликта может быть такой результат, который не учитывает позицию противника, совместное урегулирование вряд ли будет достигнуто. Оно будет иметь место только тогда, когда противники поймут, что жить с оппонентом трудно, но жить без оппонента

невозможно.

Два случая успешного урегулирования конфликта, а именно в Бельгии и ЮАР, показательны с этой точки зрения. Этнонациональная и расовая напряженность были характерны для этих стран в течение десятилетий. Хотя уровень насилия¹ в обеих странах никогда не был одинаков, межэтническая рознь раскалывала общества и была лейтмотивом внутренней политики в обеих странах. Несмотря на высокую этнонациональную/расовую поляризацию и противоборство интересов, оба конфликта закончились мирным урегулированием. Полного прекращения насильственных межгрупповых враждебных действий достичь не удалось, но урегулирование оказалось устойчивым в том смысле, что никто из ключевых игроков — Африканский национальный конгресс (АНК) и Национальная партия (НП) в ЮАР и христианские демократы, либералы и социалисты в Бельгии — не стремился изменить основы соглашения. Анализ того, что побудило южноафриканцев и бельгийцев преодолеть свои главные разногласия и заключить соглашение, может способствовать общему пониманию мотивации сторон, вырабатывающих решения совместно.

В Бельгии в течение 1970—1980-х годов напряженность между фламандцами и франкофонами оказывала все более негативное воздействие на работу национального правительства. Действовавшее тогда соглашение о разграничении полномочий в национальном правительстве заходило в тупик всякий раз, когда происходил какой-либо этнонациональный конфликт. Правила паритета, принцип принятия решений в национальном правительстве по методу консенсуса и ряд особых требований к национальным группам, составлявшим большинство в том или ином регионе, смягчали прямой перевод фламандского демографического перевеса в соответствующую долю полномочий по принятию решений. Фламандцы и франкофоны обладали примерно одинаковым весом при принятии тех или иных государственных решений. Хотя между этнонациональными группами имел место временный дисбаланс власти, встроенные в институциональный механизм правила единодушия, или консенсуса, препятствовали постоянному преобладанию какой-либо из двух сторон. Система, основанная на решениях, принимаемых по принципу единодушия (фактического или формального), и расходящихся интересах, конечно, может легко застопориться. Правило единодушия подразумевает право вето для каждого участника. Каждая сторона имеет возможность остановить процесс и, безусловно, делает это, когда, по ее мнению, интересы становятся несовместимыми.

¹ Бельгийский этнонациональный конфликт проходил без человеческих жертв, в ЮАР же число убитых по политическим причинам достигло десятков тысяч.

Этнонациональная мобилизация в Бельгии внедрила именно такие несовместимые представления об играх с нулевой суммой в сферу принятия решений, что в условиях принципа единодушия не раз приводило к тому, что принимать такие решения становилось невозможно. Неоднократно повторяющиеся правительственные кризисы и падения кабинетов из-за этнонациональных споров в тот период привели к тому, что Зартман назвал «тупиком, причиняющим вред обеим сторонам».

Аналогичным образом к концу 80-х годов южноафриканское правительство и движение против апартеида также достигли стадии тупика. Режим апартеида столкнулся с непреодолимыми трудностями в деле сдерживания как никогда мощного и эффективного движения против расовой сегрегации. К началу 90-х годов руководимое АНК движение получило поддержку почти всех слоев негритянской общины (профсоюзов, церкви, студенчества, женщин, традиционных вождей, населения бантустанов и т.д.). Мобилизация движения против апартеида могла привести страну к фактически полной остановке работы во всех отраслях. Стратегия оппозиции, нацеленная на то, чтобы сделать чернокожее население неуправляемым, имела определенный успех. Сформированному на базе Национальной партии правительству удавалось лишь удерживать контроль над ограниченной территорией ценой огромных усилий полиции и службы безопасности. Получив новое дыхание, движение антиапартеида смогло загнать режим в угол, но все еще не было в состоянии свергнуть его. Правительство, бюрократия и силы безопасности ЮАР все еще представляли собой грозного противника, уже не могущего сокрушить оппозицию, но, несомненно, способного сохранять белое правление в течение некоторого времени в будущем. Главные противоборствующие стороны — правительство НП и АНК — явно оказались в патовой ситуации. Отсутствие видимого перевеса сил на какой-либо стороне ограничивало потенциальный успех односторонних действий. Две примерно равные по силам стороны находились в натянутых отношениях, и продолжение открытого (силового) конфликта, как ожидалось, не должно было изменить это равновесие сил в ближайшем будущем.

Как мы уже упоминали, концепция тупика наилучшим образом фиксирует сочетание факторов, ведущих к совместному урегулированию. Однако она упускает из виду важную особенность, которая присутствовала в бельгийском и южноафриканском случаях. Бельгийцев и южноафриканцев привела к столу переговоров не просто констатация тупика. Помимо взаимного осознания, что продолжение открытого противодействия лишь усугубило бы безнадежность положения, участники конфликта также поняли, что они в высокой степени

взаимозависимы. Тупик показал, что существовавшие стратегии конфликта контрпродуктивны. Вообще тупик свидетельствует об ошибочности текущих стратегий, но оставляет некоторые варианты несотрудничества открытыми. Осознание взаимозависимости сужает эти альтернативы до одного-единственного варианта, а именно, совместного и взаимоприемлемого урегулирования.

Фламандцы и франкофоны поняли, что единственным выходом из тупика должно быть взаимоприемлемое совместное урегулирование. Этнонационально смешанный характер центральных учреждений и Брюссельского региона вместе с надэтнонациональной лояльностью Бельгийскому государству и его символам являются лишь некоторыми из контекстуальных особенностей, которые заставили конфликтующие стороны увидеть свою взаимозависимость внутри Бельгийского государства. Этнонациональные группы не только представляли собой составную часть конфликта, но им также придется стать неотъемлемой частью любой реформы или нового устройства, направленного на урегулирование конфликта. Похожее осознание глубинной взаимозависимости произошло и в случае ЮАР. Тупик, возникший здесь в отношениях между правительством апартеида и движением, руководимом АНК, свидетельствовал о крахе существующих стратегий у обеих сторон. Кроме того, осознание взаимозависимости укрепило представление о том, что любое новое демократическое урегулирование должно будет учитывать желания обеих сторон. Территориальная разбросанность белых на территории ЮАР исключала появление в качестве реалистичной стратегии отделение белых от ЮАР. Более того, белые понимали, что любой новый политический строй будет отражать демографическое преобладание чернокожих в южноафриканском обществе. Короче говоря, белые поняли, что вариантом перемены тогдашней стратегии продолжения расовой сегрегации не могло быть прямое отделение белых и что новая стратегия в перспективе повлечет за собой установления правления чернокожих. Под влиянием Джо Слово руководство АНК пересмотрело свои требования непосредственного и полного перехода к правлению большинства (которым было бы, конечно, правление чернокожих). Подобно белым лидерам, АНК знал, что, несмотря на свою очевидную численную и политическую силу, он не смог бы править страной в одиночку. Белое меньшинство все еще могло бы заблокировать любой реальный переход к демократии. Кроме того, контроль белых над финансовым и экономическим секторами остался бы определяющим фактором при новом государственном строе. Короче говоря, кризис показал, что существующие стратегии с обеих сторон вели в тупик; взаимозависимость исключала все другие односторонние стратегии и указывала на совместное принятие решений как на единственный реальный путь разрешения

конфликта.

6. Предложения по урегулированию грузино-абхазского конфликта

В предыдущих параграфах статьи было изложено общее понимание конфликтного регулирования и совместного принятия решений. Теория в этой работе не рассматривается как самоцель. Важнее выяснить применимость теоретических изысканий для понимания сути грузино-абхазского конфликта с тем, чтобы наметить подходы к его урегулированию. Мы почти не будем останавливаться на конкретных эмпирических данных о конфликте. Акцент в нижеследующем тексте будет сделан на общей динамике межнациональных отношений в Грузии и Абхазии и предложениях по их улучшению.

Учитывая проблематичную асимметричную природу внутренних конфликтов, представляется важным, чтобы противостоящие стороны воспринимали друг друга и относились друг к другу как равные в конфликте. Несоответствия в статусе оппонентов побуждают более слабую сторону к изменению соотношения сил в свою пользу. Неравенство между противниками часто ведет к ситуациям, когда нижестоящая сторона либо отказывается вести переговоры, либо ведет их, при этом постоянно осуществляя внепереговорную стратегию с тем, чтобы усилить свою позицию за столом переговоров. Представления о равенстве не должны интерпретироваться как фактическое равенство ресурсов (военных, экономических, демографических и т.д.) или как необходимость чисто симметричных решений. Под представлениями о равенстве здесь имеется в виду, что противники должны полностью отдавать себе отчет в том, что они не могут навязать решение своему оппоненту.

Низкая сплоченность среди представителей тех или иных сторон и их блокирование с экстремистскими флангами — явление, неоднократно приводившее к крушению переговорного процесса¹. Деятельность слабо управляемых экстремистских флангов может не только породить недоверие и сомнения в добропорядочности участников переговоров, но и подвергать значительной опасности проведение в жизнь достигнутого соглашения. Слабый контроль со стороны руководства за рядовыми сторонниками и экстремистами повышает элемент неопределенности на переговорах. Он бросает сомнение на легитимность и представительность партнеров, их способность делать встречные уступки и, самое важное, рождает скептицизм относительно того, может и станет ли противник действительно выполнять соглашение на этапе его реализации. Многие соглашения «поскользнулись» именно на этой стадии. Это фаза, когда общие, часто

двусмысленные, положения приходится претворять в конкретные меры. Их реализация четко выявляет любое возможное отсутствие консенсуса в соглашении, заключенном под давлением или составленном неконкретно. Ясно, что в ходе реализации, являющейся весьма чувствительным этапом регулирования конфликтов, соперничество внутри отдельных сторон и экстремистские фланги могут затормозить проведение в жизнь соответствующего соглашения вплоть до срыва всего процесса урегулирования. Поэтому грузинское и абхазское правительства обязательно должны установить полный контроль над своими внутренними силами. Разнобой в действиях абхазского ополчения и нескоординированные вторжения грузинских вооруженных перемещенных лиц в зону безопасности на Ингури порождают недоверие за столом переговоров и препятствуют согласованной реализации соглашений.

Стратегии конфликтного регулирования должны быть направлены на достижение стабильного результата. Ранее в этой статье мы отмечали совместное принятие решений как наиболее эффективную стратегию достижения такой стабильности. Это принятие основано на принципе, что благоприятный результат должен учитывать требования обеих сторон. Противоборствующие стороны в грузино-абхазском конфликте должны, следовательно, признать идею, что любое решение спора между ними потребует уступок, которые облегчили бы трудности оппонента. Использование в своих интересах краткосрочных слабостей противника для навязывания ему результата может быть полезно для внутренних целей, но вряд ли останется без последствий в будущем. При совместном принятии решений не может быть чистых победителей или проигравших. Недвусмысленное обозначение победившей или проигравшей стороны — самая благоприятная почва для реваншистского конфликта в будущем. Стремление абхазов добиться политического статуса, как можно более близкого к независимости, является максималистской стратегией, которая не принимает во внимание грузинские заботы. В то же время настойчивые требования грузин о возвращении беженцев и перемещенных лиц еще до глобального политического урегулирования игнорирует основные тревоги абхазов. Ни одна из приведенных стратегий не представляет адекватную основу для успешного совместного принятия решений, так как каждая из них направлена на получение максимальных выгод для себя, тогда как нужно в первую очередь заботиться о взаимной пользе. До тех пор, пока противоборствующие стороны просто выдвигают собственные требования без учета позиции оппонента, отношения будут сохранять характер чистого соперничества, а не решения проблем.

¹ См.: Horowitz 1985, Mitchell Op. cit

Вышеупомянутые предложения по существу сводятся к поведенческим и стратегическим изменениям, которые в идеале должны были бы глубоко укорениться в умах противников к началу переговоров. Эти предложения касаются создания настроенности на решение проблем еще до совместного принятия решений. Динамика взаимодействия, происходящая в ходе процесса урегулирования, по крайней мере так же важна, как априорные умонастроения противников. Многочисленные отчеты Генерального секретаря ООН о ситуации в Абхазии создают довольно мрачную картину динамики процесса урегулирования. Ряд встреч и частично или абсолютно невыполненных соглашений между противостоящими сторонами показывают, что на пути к окончательному урегулированию как будто бы и не было достигнуто никакого реального прогресса. Хотя встречи между абхазами и грузинами были названы переговорами, никакого реального торга, по мнению автора этих строк, не происходило. Обмен преимуществами и уступками и обмен предложениями и контрпредложениями — то, что Рубин и Браун определяли как ключевые характеристики переговорной обстановки — на абхазо-грузинских переговорах не состоялись. Представляется, что процесс переговоров застрял на фазе ПОП (переговоры о переговорах). Переговоры были затруднены разногласиями по вопросу об элементарных условиях ведения переговоров. Разногласия возникали по типичным проблемам ПОП, а именно, по составу грузинской делегации за столом переговоров¹ или по вопросу о том, указывать ли в качестве темы переговоров «конфликт в Абхазии» или «абхазо-грузинский конфликт»². Более того, ни в каком раунде переговоров не было подлинного консенсуса по составу и порядку повестки дня. Абхазы настаивали на том, что политическое урегулирование должно предшествовать возвращению перемещенных лиц и беженцев, грузины же отстаивали обратный порядок этих пунктов. Абхазы требовали обсуждения условий их суверенного статуса (независимое или конфедеративное государство) и отказывались от рассмотрения какого-либо статуса, кроме прямого суверенитета, а грузинские дипломаты отказывались рассматривать абхазскую повестку дня и твердо придерживались позиции, что устройство, выходящее за рамки автономного или федеративного статуса Абхазии, не может служить основой переговоров. Переговоры, которые

¹ Отчет о первой встрече группы экспертов, ответственных за подготовку рекомендаций о политическом статусе Абхазии. Москва, 15 и 16 декабря 1993 г. Представлен профессором Джорджо Малинверни, председателем группы экспертов, послу Эдуарду Бруннеру, специальному эмиссару Генерального секретаря ООН по Грузии.

² См.: MacFarlane S.N., Minear L., Shenfield D. *Armed Conflict in Georgia: A Case-study in Humanitarian Action and Peacekeeping* // Occasional Paper of the Watson Institute. Providence: Brown University, 1996. P. 73.

следовали за нерешенными разногласиями по повестке дня, страдали от нежелания сторон идти на взаимные компромиссы, и им не доставало подлинного консенсуса. Каждая сторона ограничила переговорный процесс постоянным повторением своих требований с последующим отказом от уступок.

Имея явный тупик в конфликте, противоборствующие стороны тем не менее никак не могут начать диалог по существу дела. Тупик, конечно же, вредит обеим сторонам. Грузины отягощены пребыванием приблизительно 260 тыс. беженцев, чье постоянное присутствие серьезно затрудняет экономическое восстановление Грузии. Абхазия испытывает экономическую блокаду и фактически отрезана от внешнего мира, который отказывается признавать Абхазское государство за пределами грузинских государственных границ. И все же «тупик, причиняющий вред обеим сторонам», по-видимому, не побуждает стороны к урегулированию их разногласий. По мнению автора, имеется три принципиальные причины, которые мешают противникам по-настоящему добиваться разрешения конфликта, несмотря на явный «тупик, причиняющий вред»: 1) недостаточное признание взаимозависимости; 2) неспособность осознать, в чем корень позиции оппонентов и действовать исходя из этого; 3) отсутствие политической формулы, которая могла бы наметить выход из конфликта. Ни одна из этих трех причин тупика не является незыблемой или статичной. Каждая из них может быть устранена для стимулирования более эффективных усилий по урегулированию конфликта.

Отрицание глубокой грузино-абхазской взаимозависимости особенно заметно на абхазской стороне. Правительство Ардзинбы в основном делает упор на односторонние мероприятия (референдумы, выборы, составление проекта конституции, возвращение диаспоры), стремясь укрепить независимый статус Абхазии. Абхазская сторона, по-видимому, считает дальнейшее сосуществование абхазов с грузинами в рамках Грузии наименее желательным вариантом. По словам одного высокопоставленного российского дипломата, абхазские намерения можно вкратце охарактеризовать как желание «заморозить ситуацию подобно тому, как это случилось на Кипре, выиграв время для возвращения абхазской диаспоры и для иммиграции северокавказцев. Откладывание ситуации в долгий ящик имеет еще одно преимущество: заставить международное сообщество постепенно свыкнуться с фактом абхазской независимости»¹. Короче говоря, абхазская сторона, видимо, полагает, что будущее без Грузии (и грузин) вполне возможно; тем самым она отбрасывает мысль об абхазо-грузинской взаимозависимости. Многочисленные единогласно принятые резолюции ООН в поддержку территориальной целостности

Грузии и российско-грузинская блокада — все это меры, призванные воспрепятствовать Абхазии в проведении независимой, односторонней стратегии. Кроме того, будущее независимой Абхазии в условиях вновь предписанной блокады, международной изоляции и растущей враждебности большой группы перемещенных лиц на ее границах никак не кажется светлым по любым меркам. До сих пор меры по борьбе с односторонней абхазской политикой были окрашены в негативные тона санкций. Видимо, демонстрируя абхазской стороне издержки фактической независимости, следует более настойчиво подчеркивать выгоды и преимущества признания взаимозависимости. Вместо простого применения «кнута», Грузия и международное сообщество могли бы предложить больше политико-экономических «пряников», чтобы привлечь Абхазию к согласованному решению. Однако это сочетание позитивных и негативных санкций не должно использоваться для давления на абхазов с целью вынудить их одобрить грузинские предложения, но лишь для того, чтобы покончить с односторонними действиями и побудить абхазов принять на вооружение более компромиссную стратегию ведения переговоров.

Отсутствие политической воли к тому, чтобы учитывать глубинную мотивацию оппонента, присуще как грузинской, так и абхазской сторонам. Комбинированные грузинские предложения о возвращении временно перемещенных лиц и о федеративном государстве в том виде, как они существуют теперь², выглядят весьма великодушными, но фактически предлагают очень немного для того, чтобы успокоить затаенный страх абхазов попасть под господство грузин. Жесткая переговорная позиция абхазов, по всей видимости, подпитывается глубоко сидящим чувством демографической и культурной незащищенности. Ссылки абхазов на судьбу исчезнувшего убыхского народа, населявшего российское Черноморское побережье³ (последний человек, говоривший на убыхском языке, скончался в 1994 г.), совершенно ясно указывает на безотчетный страх абхазов перед исчезновением. Грузинская сторона должна предложить абхазам самые твердые гарантии непрерывности их демографического и культурного существования. Грузинские предложения о федерации не обеспечивают такие гарантии. Даже в асимметричном федеративном устройстве со значительной автономией для Абхазии не ясно, как абхазская политическая элита может сохранять контроль над своей территорией, если грузинские беженцы и перемещенные лица вернутся. Возвращение

¹ Высказывание высокопоставленного российского дипломата приведено там же. С. 57.

² Proposals of Georgia on the Status of Abkhazia, Georgia. United Nations. Security Council Document S/1996/165. 5 March 1996.

³ См.: Liana Kvarchelia. Georgia-Abkhazia Conflict: View from Abkhazia, in: Hill Fiona (ed.) The Caucasus and the Caspian: 1996 Seminar Series. Vol. II. Cambridge, Mass.: Harvard University,

перемещенных лиц и введение федеративного устройства могли бы просто кончиться превращением этнических абхазов (17% населения Абхазии в 1989 г.) снова в региональное демографическое и политическое меньшинство. Федеральная автономия абхазского региона, вновь заселенного перемещенными лицами, таким образом просто свелась бы к статусу автономии для области, политически контролируемой грузинским населением. Защита этнических абхазов тогда зависела бы исключительно от благорасположения грузинских элит. Учитывая кровопролитные события прошлого, не удивительно, что абхазы отвергают этот вариант. Следовательно, формулировка взаимоприемлемого результата требует достижения договоренностей с учетом специфики проблемы, которые предоставили бы реальные гарантии этническим абхамам. Первым шагом к таким решениям является признание грузинами обоснованности глубокого страха абхазов перед исчезновением с лица земли.

Абхазы, требуя независимого конфедеративного государства, тоже пренебрегают основными целями грузин. Среди наблюдателей и международного сообщества существует общее согласие с тем, что нынешнее положение дел с десятками тысяч временно перемещенных лиц за пределами Абхазии — ненормальная, нетерпимая ситуация, которая не может продолжаться до бесконечности. Нежелание абхазов принять значительное число беженцев и их представление об абхазской государственности полностью игнорирует чаяния грузин. Ясно, что абхазские предложения включают столько же гарантий защиты возвращающихся грузин, сколько грузинские федеративные предложения гарантий защиты этнических абхазов, т. е. почти ничего. В этом отношении, настойчивость Грузии в плане сохранения своей территориальной целостности совершенно понятна. Независимая Абхазия не дает никаких гарантий для массы беженцев, в подавляющем большинстве грузин. Каково было бы положение беженцев и перемещенных лиц в независимой Абхазии? Защита жизни и интересов грузинского населения Абхазии оказалась бы отдана на милость абхазской политической элиты. Опять же, учитывая недавнюю кровопролитную рознь, эта перспектива вряд ли понравится грузинам.

Подводя итог, можно сказать, что в институциональных предложениях обеих сторон недостаточно учтены основные цели партнера. Абхазские предложения никоим образом не отвечают нуждам Грузии. Грузинское предложение о федерации 1996 года не отвечает желанию Абхазии гарантировать свое политическое и культурное выживание. Предложение Абхазии о конфедерации не содержит

достаточных гарантий того, что будущие конфликты между обеими общинами не приведут к ее отделению. Урегулирование конфликта вряд ли удастся, если стороны будут продолжать преследовать исключительные цели, которые не учитывают интересы оппонента. Вместо жесткого отстаивания исходных позиций и отказа в уступках, могла бы быть применена методика сближения интересов. Шаги к урегулированию через сближение означают, что ни одна из сторон не достигает исходных требований, но разрабатывается новая формула, которая удовлетворяет наиболее важные интересы, лежащие в основе этих требований. Пруитт и Карневэйл приводят утонченный пример сближения интересов: «...между двумя людьми, которые дрались из-за апельсина. Проблема решилась просто, когда было обнаружено, что один хотел из мякоти выдавить сок, а другому нужна была корка, чтобы положить ее в торт»¹. В подобном ключе абхазы и грузины могли бы выяснить, для каких целей им нужен метафорический апельсин. Возможно, идентификация их целей может привести к формулированию более совместимых комплексов интересов. Сближение позиций сторон включало бы переформулировку стоящих между ними проблем на основе анализа основных интересов обеих сторон.

Помимо взаимной глухоты по отношению к кардинальным интересам противника, переговоры серьезно затруднены неразработанностью политической формулы, которая могла бы быть привлекательной для обеих сторон. Другими словами, кажется, нет никакого очевидного способа отделить апельсиновую корку от мякоти. Следующие основные ориентиры могли бы посылно способствовать выходу из грузино-абхазского тупика. Решение, сближающее обе стороны, могло бы быть основано на федеральной структуре, в которой 1) Абхазия имела бы автономный статус; 2) внутри Абхазии, там, где это возможно, создавались бы территориальные единицы; 3) внутри Абхазии, там, где это возможно, создавались бы нетерриториальные органы власти; 4) грузины и абхазы участвовали бы в региональном абхазском правительстве на долевого основе.

Суть высказанных выше предложений в том, что этнически смешанные части Абхазии могли бы управляться не органом, образованным по территориальному признаку, а органом, чья юрисдикция охватывает группы населения, а не территории. Например, абхазами, живущими в этнически смешанных частях Абхазии, будет управлять правительство абхазской общины, чьи полномочия будут распространяться на всех абхазов в Абхазии. Сравнительно однородные в национальном плане районы Абхазии могут управляться чисто территориальными

¹ См.: Pruitt D.G., Carnevale P.J. Negotiation in Social Conflict. Buckingham: Open University Press, 1993. P. 38.

органами. Органам власти (абхазским), образованным на нетерриториальной основе, можно было бы поручить заведовать всеми этнически чувствительными полномочиями (язык, образование, иммиграция, безопасность и т.д.). Использование нетерриториальных органов, естественно, не может распространяться на все сферы политического регулирования. Некоторыми чисто территориальными вопросами (природные ресурсы, загрязнение среды, транспорт, связь, региональная государственная инфраструктура, уголовное право и т.п.) не могут управлять нетерриториальные образования. Большое число полномочий придется организовывать на территориальной основе, и это потребует значительного грузино-абхазского сотрудничества. Следовательно, можно рассмотреть возможность создания регионального абхазского правительства, в котором грузины и абхазы осуществляли бы совместные полномочия на равной основе или через взаимное право вето. Дополнительную гарантию для абхазов могло бы составить введение в федеральную конституцию положения о том, что любое федеральное законоположение (центрального грузинского правительства), относящееся к Абхазии (всему региону) должно быть ратифицировано большинством представителей абхазской общины (нетерриториального правительства этнических абхазов). Путем совместного использования территориальных и нетерриториальных образований и грузины, и абхазы могли бы пользоваться значительной автономией внутри одного и того же региона. Кроме того, система взаимных сдержек и противовесов и право вето препятствовали бы доминированию одной группы над другой.

Конечно, изложенные выше предварительные и беглые предложения не принимают во внимание ряд практических осложнений и трудностей. Тем не менее они могли бы сочетать и основные грузинские требования, и важнейшие абхазские цели. Эти предложения влекут за собой возвращение временно перемещенных лиц, а территориальная целостность Грузии была бы восстановлена на основе федерального устройства. Этнические абхазы получили бы значительное самоуправление, непропорционально высокую долю региональной правительственной власти и право вето на федеральные и региональные законодательные акты, затрагивающие их общину и территорию.

Ясно, что дело самих воюющих сторон разработать собственные пути решения конфликта. Роль иностранного опыта и предложений может в лучшем случае быть источником вдохновения, в них не может быть ответов на все вопросы. Самое серьезное препятствие для процесса урегулирования — не техническое, но скорее психологическое. Обе стороны не желают отказываться от своих

односторонних стратегий и оценить по достоинству основные позиции оппонента. Без подлинной готовности с обеих сторон рассмотреть требования оппонентов до выхода из этого сложного конфликта остается еще долгий путь.

Библиография

Bazerman M.H. Lewicki R.J. *Negotiating in Organizations*. Beverly Hills: Sage Publications, 1983.

Brubaker R. *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge University Press, 1996. Gulliver P.H. *Disputes and Negotiations. A Cross-Cultural Perspective*. New York:

Academic Press, 1979. Hampson F.O. *Nurturing Peace. Why Peace Settlements Succeed or Fail*.

Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 1996. Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1985.

Kvachelia Iana. *Georgia-Abkhazia Conflict: View from Abkhazia*, in: Hill Fiona (ed.) *The Caucasus and the Caspian: 1996 Seminar Series. Vol. II*. Cambridge, Mass.: Harvard University, J.F.Kennedy School of Government, 1996.

MacFarlane S.N., Minear L, Shenfield D. *Armed Conflict in Georgia: A Case-study*

in *Humanitarian Action and Peacekeeping*. Occasional Paper of the Watson Institute. Providence: Brown University, 1996. Nodia G. *Nationalism and Democracy*, in: Diamond L, Plattner M.F. (eds.)

Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1994: 3—22.